О смерти Николая Михайловича Стороженки, Черниговскаго губернскаго предводителя дворянства 1815 г. *).

Николай Михайловичъ Стороженко былъ правнукъ извѣстнаго Черниговскаго полковника Павла Полуботка. Онъ былъ двѣнадцать лѣтъ Черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Свѣдѣній біографическихъ о немъ никакихъ нѣтъ, кромѣ статьи Федора Глинки, извѣстнаго поэта, † 1881 г., а потому мы перепечатываемъ ее изъ книги его, изданной въ 1815 г. „Письма къ другу".

„Смерть похищаетъ лучшія растенія изъ цвѣтника жизни!" Еще однимъ добродѣтельнымъ стало меньше на землѣ!... Онъ умеръ, сей почтенный человѣкъ, въ которомъ страдальцы находили подпору, котораго бѣдные называли отцомъ. Имя его глубоко врѣзано въ сердцахъ, облагодѣтельствованныхъ имъ; оно извѣстно въ Черниговѣ и пребудетъ незабвеннымъ для всей Малороссіи. Почтенный Николай Михайловичъ Стороженко послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ С.-Петербургѣ. Я получилъ извѣстіе о кончинѣ его уже въ Москвѣ. Ты зналъ его, другъ мой! а кто только зналъ сего человѣка, для того нечего растространяться въ похвалахъ о немъ. Я видѣлъ его на одрѣ болѣзни!—Тихо и спокойно склонялся онъ въ объятія смерти!... Онъ точно съ такимъ же равнодушіемъ готовился перейти съ одра въ могилу, какъ человѣкъ наскучившій шумомъ, блескомъ и волненіемъ какого нибудь свѣтскаго общества, отходитъ подъ мирный кровъ своего уединенія для сладкаго отдыха отъ трудовъ. „Сегодня врачи мои слишкомъ много толковали промежъ себя по латынѣ, видно они чуствуютъ, что лампада скоро угаснетъ!" Такъ говорилъ онъ мнѣ не задолго до моего отъѣзда. А съ какимъ лицомъ говорилъ онъ это—надо было его видѣть, чтобъ почуствовать всю цѣну чистой совѣсти, подкрѣпляющей праведника на одрѣ его! „Посидите еще немного со мною" часто говаривалъ онъ, когда я, пробывъ у него часъ, или два, хотѣлъ уходить. Въ разговорахъ съ нимъ забывалъ я время, мѣсто и обстоятельства. И между тѣмъ, какъ великолѣпнѣйшій изъ городовъ шумѣлъ, блисталъ и кружился около насъ, мнѣ казалось, что я огражденъ уединеніемъ самой безмолвной пустыни и смотрю на человѣка, не причастнаго никакимъ приманкамъ счастія, никакимъ обольстительнымъ очарованіямъ свѣта; на человѣка, котораго вѣра и надежда, въ видѣ

*) Изъ книги „Письма къ другу", Федора Глинки, С.-Пб., 1816, часть первая, стр. 65 и 79.

двухъ прелестныхъ ангеловъ, готовы были отторгнуть отъ праха земнаго и переселить въ лучшій свѣтъ!

Чего только не говорили мы съ нимъ о нашемъ свѣтѣ... Мы говорили о роскоши и развратѣ, выхлынувшемъ изъ береговъ своихъ и бурно наводняющемъ общества. Говорили мы о пожарахъ страстей, въ которыхъ перегораютъ всѣ связи, тлѣетъ основаніе благихъ нравовъ и разрушается благоденствіе людей. По добротѣ души своей и по кротости нрава онъ никого не осуждалъ; а просто только дивился заблужденіямъ свѣта. Собственная болѣзнь ни мало не тревожила его, но болѣзнь его вѣрнѣйшаго друга, его нѣжной супруги, которая, просидѣвъ нѣсколько ночей сряду безъ сна надъ его постелью, впала въ жестокую горячку, сильно возмущала духъ его въ послѣдніе дни жизни. Онъ имѣлъ, однакожъ, и свои минуты сладчайшаго восторга. Тогда удовольствіе вливало въ него новую душу и догорающая свѣча жизни пылала яснѣе! Я былъ свидѣтелемъ сихъ минутъ. А чтобъ привести и тебя въ восхищеніе, то стоитъ только разсказать, что было причиною оныхъ.

Ея Величество Императрица Марія Феодоровна, уже съ давнихъ лѣтъ слывущая земнымъ провидѣніемъ вдовъ и сиротъ, благословляемая сердцами тѣхъ и другихъ, нынѣ явно открываетъ себя покровительницею добродѣтелей, нравовъ, дарованій и даже коренныхъ обычаевъ народа русскаго, народа, умѣющаго обожать Государей, его любящихъ. Наслышась о добродѣтеляхъ Николая Михайловича Стороженки, о любви къ нему всѣхъ жителей Черниговской губерніи и услугахъ, оказанныхъ имъ обществу и отечеству, Она тотчасъ обратила особенное вниманіе свое къ сему почтенному россіянину. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ возвѣщалъ почти каждый день болящему другу своему какое нибудь ласковое слово Государыни. „Представь, другъ мой“, говорилъ онъ: „сегодня Императрица съ неизъяснимою прелестію, одной только Ей свойственной привѣтливости, спрашивала меня о твоемъ здоровьѣ. Она даже входила въ подробности болѣзни твоей!“ — Въ другой разъ онъ говорилъ опять, входя съ веселымъ лицемъ: „знаешь, что мнѣ сказала Государыня сегодня? Что ты будешь вѣрно здоровъ! Она узнала отъ лѣкарей, которымъ велѣла доносить себѣ о твоей болѣзни, что ты прибралъ наконецъ себѣ кушанье по вкусу!“ — Боже! — восклицалъ больной, чѣмъ заслужилъ я къ себѣ такое милостивое вниманіе Матери народа! — и въ сію минуту всѣ чувства его цвѣли несказаннымъ удовольствіемъ. „Покойникъ былъ честолюбивъ!“ скажутъ легкомысленные свѣтскіе умники, привыкшіе толковать все въ худую сторону. Нѣтъ милостивые государи! онъ умѣлъ только одно благородное честолюбіе и никогда не дозволялъ ему превращаться въ страсть, пожирающую сердца, воспаляемыя ею. Но милосердному провидѣнію угодно было устроить сердце человѣческое такъ, что ему всегда пріятно вниманіе, пріятно слово благоволенія отъ того, кто правитъ судьбою общества, или только собственной его. Въ младенчествѣ тѣшитъ насъ лишняя улыбка отца или матери; въ юношествѣ одно ласковое слово учителя доставляетъ цѣлый день удовольствія; въ зрѣлыхъ лѣтахъ вниманіе благоразумнаго начальника крѣпитъ на трудномъ поприщѣ военномъ; а вниманіе Государя заставляетъ жертвовать всею своею кровью, всѣми радостями жизни и бросаться въ объятія смерти съ жаромъ юнаго жениха, летящаго къ невѣстѣ своей. — На сей тайнѣ сердца человѣческаго основывается

власть управляющихъ народами и симъ единственно поддерживается правленіе самодержавное.

„Для одного только желалъ бы еще выздоровѣть,—говорилъ больной“,—чтобъ посвѣтя всѣ дни, всѣ часы жизни моей на пользу отечества, оправдать вниманіе ко мнѣ Императрицы.—Онъ не выздоровѣлъ, но прежнія его дѣла награждены; но добродѣтель смѣлѣе пускается въ борьбу съ порокомъ, видя себя ободряемою и кѣмъ же ободряемою?—Владычицею народа!—„Если хотите искоренить изъ „народа вашего развратъ, вредныя страсти „и всѣ внѣдрившіеся въ немъ пороки, „то отличайте добродѣтель; не взирайте „ни на породу, ни на богатство, сіи два „ложныя права къ преимуществамъ въ „обществѣ, но уважая дарованія разума „и сердца, цѣните превыше всего услуги, „оказанныя отечеству!

„Не подавайте богатству повода, гор„диться,—пустымъ даромъ фортуны—сво„имъ золотомъ.—Отвращайте взоръ отъ „пышной одежды, скрывающей порокъ, и „съ благоволеніемъ смотрите на рубище, „сквозь которое блещетъ добродѣтель. „Симъ единымъ средствомъ пресѣчете вы „роскошь въ самомъ корнѣ ея; симъ ист„ребится духъ корыстолюбія.—Люди ва„шего вѣка изцѣлятся отъ неутолимой „жажды къ деньгамъ, за которыя теперь „жертвуютъ всѣмъ и которыя становятся „для нихъ необходимы для того, чтобъ „блистать въ обществахъ и при дворѣ!“ Такъ говоритъ Велизарій Юстиніану или въ лицѣ его, Государямъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ.—Прекрасныя слова сіи, которыми восхищались мы прежде только въ книгѣ, теперь сбываются на самомъ дѣлѣ. Добродѣтель нашла вѣрное себѣ убѣжище въ чертогахъ нашихъ Государей, гдѣ благочестіе нравовъ и прелестная простота въ образѣ жизни уже становятся блистательнѣйшимъ примѣромъ и вмѣстѣ самою разительною укоризною для всѣхъ, въ роскоши утопающихъ!

Вотъ тебѣ, другъ мой! описаніе кончины добродѣтельнаго мужа; прости мнѣ отступленія, въ которымъ увлекся невольно!—Наконецъ, чтобъ испытать еще болѣе терпѣніе твое, прилагаю и длинные стихи на смерть покойнаго. Но они излились пламеннымъ потокомъ изъ сердца моего.—Я не имѣлъ времени ни осмотрѣть, ни обработать ихъ, а посылаю такъ, какъ они вышли изъ подъ пера. По причинѣ недавней разлуки моей съ покойнымъ я такъ живо себѣ его воображаю, не только воображаю, но кажется, вижу, чуствую и осязаю его!—По сему-то я и представляю въ стихахъ сихъ описаніе кончины и прочаго, какъ будто самъ все сіе вижу наяву.

На печальную кончину Его Превосходительства Николая Михайловича Стороженки.

Отколь несется звонъ унылой
Чрезъ пышный градъ—гдѣ жизнью полнъ
Цвѣтущій бодростью и силой
Народъ, въ подобьи бурныхъ волнъ,
Кружится въ вихряхъ треволненья?..
Отколь печальный слышу пѣнья
И смерти гласъ сквозь жизни шумъ!
На брегъ Невы, во льдахъ стѣсненной,
Въ храмъ дивный зодчествомъ, священный
Иду, исполненъ грустныхъ думъ.—

* * *

Что зрю межъ сумраковъ печальныхъ?
Какъ звѣзды въ тверди, вкругъ огни!..
Надъ кѣмъ стонъ пѣсней погребальныхъ?
Чьи смерть, какъ злакъ, скосила дни?
На мраморномъ помостѣ храма
Чей гробъ, въ куреніяхъ фиміама,
Во сребряномъ дыму кадилъ?—

Тамъ ликъ Синклита въ облаченьи,
Тамъ пышный сонмъ Вельможъ въ смятеньи,
Тамъ славный въ браняхъ Вождь унылъ!—
Ты-ль Стороженко! ты-ль во гробѣ.

* * *

Отецъ несчастныхъ, бѣдныхъ другъ?
Рабомъ ни зависти, ни злобы
Твой не былъ благородный духъ:
Онъ цвѣлъ какъ вешній день прекрасной!..
Ты съ совѣстью спокойной, ясной
Не вѣдалъ бурь, страстей, тревогъ...
Одну любя лишь добродѣтель,
Былъ въ тайнѣ людямъ благодѣтель:
Но тайну дѣлъ твоихъ зналъ Богъ.

* * *

Давно-ль—о сладкія мгновенья! —
Я при одрѣ твоемъ сидѣлъ
И въ трудномъ съ недугомъ борепьи
Тебя я зря, рѣчь сладку велъ
Съ тобой въ бесѣдѣ невозвратной
О томъ, сколь сей мятеженъ свѣтъ.
Сколь поприще честей опасно,
Сколь тратимъ въ жизни дней напрасно,
Стремясь за счастіемъ въ вихрь суетъ?..

* * *

Давно-ль твои сужденья здравы
Всему давали точный вѣсъ?
Давно-ли, зря растлѣнны нравы,
Ты рекъ: «знать гнѣвъ еще Небесъ
Не исцѣлилъ насъ отъ пороковъ!
Какихъ намъ новыхъ ждать уроковъ?..
Давно-ли въ бурякъ Богъ гремѣлъ? —
Давно-ли рока произволы
Шатали царства и престолы
И міръ подсолнечной блѣднѣлъ? —

* * *

«Давно-ль межъ насъ ходили войны;
Давно-ль оружья и огни
Въ мятежны времена, нестройны
И въ полны слезъ и крови дни
Сметенну обнажали землю?
Нигдѣ раскаянья не внемлю,
Ни въ чемъ не вижу перемѣнъ,
Хоть раны зрю вездѣ глубоки!—
Изъ пепла встали тѣ жъ пороки!..
О, сколь страстей ужасенъ плѣнъ!—»

* * *

Смотря людей на заблужденьи,
Давно-ли такъ ты разсуждалъ? —
И въ лютой скорби въ истомленіи
Еще мгновенно оживалъ,
Какъ вѣнценосныя Царицы
(Въ комъ счастье сироты, вдовицы)
Къ тебѣ склонялся кроткій взглядъ:—
Сколѣ нива жаждой утомленна,
Дождемъ прохладнымъ напоенна,—
Столь ты вкушалъ тогда отрадъ!...

* * *

Но ахъ! на долго-ль скорбь смягчалась? —
Не долго духъ твой ясной цвѣлъ:
Подъ ложемъ смерть твоимъ скрывалась;
Надъ сердцемъ тя: кій часъ висѣлъ! —
Нѣтъ! ты не умеръ въ содроганіи,
Въ порывахъ, въ стонахъ и въ терзаніи,
Не воздымалась грудь, горя.—
Люта смерть грѣшныхъ и лукавыхъ,
Безъ воплей жизнь отходитъ правыхъ:
Ты стихъ, какъ на небѣ заря! —

* * *

Но что! — теряясь въ размышленіяхъ,
Какой вдругъ внемлю плачъ и стонъ? —
Въ слезахъ, въ терзаніи, и въ мученіяхъ
Кто смерти тамъ клянетъ законъ? —
Отъ ней ничто не оборонитъ! —
Полъ-жизни здѣсь своей хоронитъ
Съ супругомъ вѣрная жена:
Стонъ смолкъ; — но съ позднимп часами,
Въ нѣмой бесѣдѣ съ небесами,
Вновь скорбна, мрачна и грустна.—

* * *

Не сѣтуй, нѣжная супруга!
Не лей, скрываясь, горькихъ слезъ:
Ты здѣсь оплакиваешь друга;
А другъ твой къ радостямъ небесъ
Паритъ въ надзвѣздный міръ высоко!
Не знаетъ умъ, не видитъ око
Тѣхъ благъ, которыя Творецъ
Готовитъ намъ въ странахъ безвѣстныхъ:

Тамъ въ златѣ солнцъ, въ заряхъ небесныхъ
Цвѣтетъ для праведныхъ вѣнецъ!—

* * *

Ужель помыслить намъ возможно,
Что для земли мы рождены;
Для міра, гдѣ все тлѣнно, ложно,
Гдѣ всѣ страстямъ покорены;
Гдѣ смертный, чувствомъ благородный,
Къ коварствамъ, къ низостямъ несродный,
Всегда униженъ и забытъ
За то, что прихотямъ порока
Почтенія не даетъ глубока
И знатнымъ лестью не кадитъ.—

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! есть міръ иной, міръ вѣчный,
Гдѣ нѣтъ разврата, крови, слезъ,
Гдѣ самой тихой гласъ сердечный
Предъ воплемъ гордый перевѣсъ,
Въ судѣ Творца людей—имѣетъ.—
Посмотримъ мы, какъ тамъ посмѣетъ
Надменныхъ кроткихъ попирать;
Богачъ—ругаться нищетою,
И пышность, съ ризою златою,
Убогихъ прахомъ замѣтать!..

* * *

Посмотримъ!.. наши всѣ надежды
Въ томъ мірѣ обрести покой.—
«Гдѣ-жъ міръ тотъ?» — Смолкните невѣжды!..
Доколь желѣзною рукой
Судьба не свергнетъ васъ въ могилы;
Сознайтесь!—есть насъ выше силы:
Вселенной правитъ Бога перстъ!
По мѣрѣ, по красѣ дѣяній;
Должны мы чаять воздаяній:
Чрезъ гробъ—двоякій путь отверзъ! —

* * *

Твой духъ мужъ правый, добрый, честный!..
О, Стороженко! сирыхъ другъ!
Паритъ по высотѣ небесной,
Въ невѣдомый для смертныхъ кругъ.
Тамъ вихрятся міры несчетны,
Пылаютъ солнца искро-метны...
Въ златыя, звѣздныя страны,
Чрезъ огне-зарную дорогу,
Твой духъ грядетъ на лоно къ Богу.—
А прахъ почіетъ близъ Десны.—

* * *

Быть можетъ въ нѣкій часъ свободный
Я посѣщу гробъ мирный твой,
И вновь, мужъ рѣдкій, благородный!
Возвышу, въ честь добра, гласъ свой
Надъ тихою твоей могилой;—
Да всѣ надменны саномъ, силой,
Кому подлунный тѣснъ предѣлъ,
Узрятъ къ добру пѣвцовъ почтенье.
Власть, сила грозныхъ—лишь мгновеніе!
Въ вѣкахъ исчезнуть ихъ удѣлъ!..

* * *

О, даруй мнѣ Творецъ вселенной!
Да въ бурномъ вихрѣ дней моихъ,
Не совращусь съ стези священной
И дѣлъ и помысловъ благихъ!—
Да ввѣкъ пою добру и чести!
Да ввѣкъ во мнѣ не узрятъ лести
Ни на устахъ, ни подъ перомъ!—
Когда-жъ съ толпой льстецовъ смѣшуся,
Пороку въ златѣ поклонюся;
Пусть разразитъ весь даръ мой громъ! —

* * *

Блаженъ, кого добра съ путями
Ни что не сильно разлучить:
Не связянъ чуждыми страстями,
Кто можетъ правду говорить
Царю, народу и Вельможѣ!..
Свобода чувствъ всего дороже! —
Клянусь пѣть только о добрѣ,
И счастливъ, коль мои негромки
Услышатъ пѣнія потомки,
Какъ гласъ свирѣли на зарѣ!—

Ф. Глинка.

Печатано по распоряженію Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Извлечено изъ №№ 13 и 14 Губ. Вѣд. за 1892 г. Черниговъ. Типографія Губернскаго Правленія.